

стабилизации феодального распада, что его автор был современником тяжелых междоусобных войн и последовавших за ними княжеских съездов, которые водворили относительный мир в Русской земле и княжеской семье, что в сознании Даниила княжеские имена не могли не ассоциироваться с вполне определенными историческими событиями и эпизодами. Действительный патриотизм Даниила мог выразиться только в отношении к этим событиям, и нашей задачей является проследить характер этого отношения. Составляя список русских князей для поминания в октенях, Даниил мог иметь в виду ту систему мирных княжеских отношений, которая установилась по инициативе Владимира Мономаха, но он мог руководствоваться и другими, более мелкими соображениями и равнодушно пройти мимо важнейших событий, современником которых он был.

Вполне понятно, что если справедливо первое предположение, то значение княжеского списка в «Хождении» заключается не только в возможности характеризовать самого автора повести. Княжеский список в этом случае приобретет характер ценнейшего исторического источника.

Мне известна только одна попытка объяснить соображения Даниила при составлении им списка князей. Эта попытка принадлежит В. П. Адриановой-Перетц, считавшей, что Даниил был черниговским игуменом и в силу своего происхождения с особым вниманием отнесся к южным русским князьям.⁹ Ниже я покажу, что никакого предпочтения южным князьям Даниил не оказывал. Здесь же хочется отметить, насколько противоречит приведенное объяснение общей характеристике Даниила. Объяснение В. П. Адриановой-Перетц подводит читателя к мысли о том, что Даниил, бывший на словах представителем всей Русской земли, на деле оказывается патриотом Черниговского княжества или, вернее, своего монастыря, находящегося в зависимости главным образом от князей, сидевших в непосредственной близости от этого монастыря.

Прежде чем перейти к анализу княжеского списка в «Хождении», необходимо обратиться к той политической обстановке, которая сложилась на Руси к моменту создания Даниилом его повести. При этом я особенно выделяю некоторые спорные проблемы, решению которых способствует рассказ Даниила.

В 1054 г. Русская земля была поделена Ярославом Мудрым между его преемниками. Изяславу, старшему из здравствовавших сыновей Ярослава, были завещаны великокняжеский стол в Киеве и Новгород. Следующий сын — Святослав — получил Чернигов. Всеволоду были отданы Переяславль-Южный и Ростово-Суздальская земля. Вячеслав наследовал Смоленск, Игорь — Волынскую землю. Шестым уделом был Полоцк, оставшийся во владении потомков племянника Ярослава — Изяславичей.¹⁰ Старшинству преемников Ярослава соответствовало значение уделов. Наиболее значительным уделом Изяславичей был Киев, наименее значительным — Владимир-Волынский. Полоцкое княжество, находившееся в руках другой ветви Рюриковичей, было особливим уделом, и судьбы княжеского стола в нем не связаны с судьбами княжений Изяславичей.

Система старшинства, проявившаяся в распределении уделов, не могла не сказаться в порядке наследования столов во второй половине XI в. Не меньший отпечаток на этот порядок был наложен тем, что Ярослав разделил свое наследство только между сыновьями. Его завещание не распространялось на внуков — детей умершего еще при жизни отца стар-

⁹ История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 366 и сл.

¹⁰ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 69—70; т. II, СПб., 1843, стр. 268; т. III. СПб., 1841, стр. 2; т. V, СПб., 1851, стр. 139.